

15 аршинами красного бархата.⁶² Таким образом, барочную поэтику и риторику они знали и понимали, и «вертоглавный» не означает «невразумительный»: здесь подразумевается то, что концепт для прямолинейного толкования сложен, недаром, кстати, наши дипломаты вступали в «филологические» споры с польскими дипломатами, толкуя значение того или иного слова. И награду сын Тяпкина мог получить лишь в том случае, если превосходно владел «вертоглавными концептами». Тяпкина, как и других сотрудников Посольского приказа, они не устраивали как дипломата, а не как человека определенной культурной системы. Недаром художественно наиболее совершенны и ценны переводы сатирических стихотворений, не связанных с русской тематикой. Особенно замечательны переводы из книги «Небездельное безделье» (1674) одного из крупнейших мастеров польского барокко В. Коховского.⁶³

Переводчики успешно справлялись со своей задачей, сапфические строфы или октава не представляли для них трудностей. Единственная особенность стиха — нигде не выдержан изосиллабизм, что и для польских и для русских профессиональных поэтов уже было нормой.

Переводчики Посольского приказа не были скованы правилами и эстетическими запретами школы Симеона Полоцкого. Перевод был для них обыденной работой. Наряду с «Книгой конской езды» они переводили стихотворения Коховского, и это было для них в принципе одно и то же. Однако свою специфику стихотворный перевод имел. Он был выборочен. Причем выборочен не только в том смысле, что выбирались нужные места для перевода (это понятно), а в том, что в оригинале выискивалась и свободно передавалась основная идея (смысл): брались стихи или полустипхи из разных мест оригинала, при этом делались пропуски и даже добавления. Такой перевод является точным и ясным сокращением, чем-то вроде резюме оригинала. Однако отметим, что эта тенденция ощутима лишь в переводе стихов нейтральных или сатирических, тогда как стихи информативные (с «бесчестьем») переводятся точно, вплоть до пословного перевода.

Переводы польской политической поэзии уже в силу своей специфики не могли получить широкого распространения, однако перевод латинских стихов на въезд Яна Собеского в Варшаву, присланных Тяпкиным, читается в одном сборнике начала XVIII в. среди слов на праздники и высокотожественные дни Дмитрия Ростовского, Феофана Прокоповича и др.⁶⁴ У сына Алексея Михайловича, Алексея Алексеевича, было «Описание коронации польского короля Михаила». В 1691 г. переводчик Посольского приказа С. Ф. Чижинский, известный также в истории русского театра, перевел сборник ритмизованных афоризмов Я. Жабчица «Выдание о добронравии», который известен в 14 списках, и т. д. Эти данные, далеко не полные, говорят о том, что произведения, переведенные в Посольском приказе, могли распространяться и распространялись. Самый яркий тому пример — «Великое Зерцало». Это относится и к переводным стихотворениям, дальнейшие разыскания, очевидно, подтвердят это.

В Приложении публикуется цикл сатирических стихотворений о Яне III Собеском, королеве и других лицах, переведенных в Посольском приказе в период с октября 1678 по сентябрь 1677 г.

⁶² Там же. С. 521.

⁶³ См.: Николаев С. И. 1) «Небездельное безделье» В. Коховского в Посольском приказе. С. 251—258; 2) «Посмеятельные слова» В. Коховского в русском стихотворном переводе 1677 г. // РЛ. 1980. № 1. С. 121—126.

⁶⁴ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 520—522; ГПБ, Соловецкое собр., № 927/1037, л. 277—278 об.